

Copyright © 2015 by Sochi State University

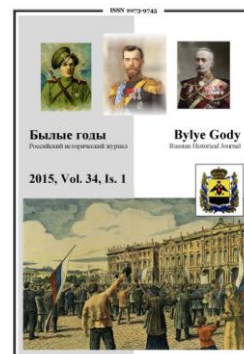
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 204-210, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Nation state building in Tajikistan in 1988–2000-s. Search for "the backbone of the construct"

¹Abdullah K. Daudov

²Artyom A. Andreev

³Vladimir A. Shorohov

⁴Denis G. Yanchenko

¹⁻⁴ St. Petersburg State University, Russian Federation

199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya 5

¹ Doctor (History), Professor, Director of the Institute of History

E-mail: primdek@yandex.ru

² PhD (History), Researcher

E-mail: gal7gas@yandex.ru

³ assistant lecturer

E-mail: helveticw@bk.ru

⁴ PhD (History), senior lecturer

E-mail: deni_g_yanch@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to some issues of nation state building in Tajikistan. Scholars highlight the history of searching for the backbone of national identity construct. Views on the relevant identity have been constantly changing for the last century. These mutations mostly influenced the perception of “paragons” from the past used for the current nation state building. As a matter of practice it comes to rise of interest to pre-Islamic past of the country that is perceived by the state elite as a starting point of nation polity history. However Samanid period stays the main symbolic pattern for Tajik nation state model.

Keywords: Tajikistan; nation state building; historical and cultural traditions; identity; the Iranian-speaking community; national delimitation in Soviet Central Asia; the political parties of Tajikistan.

Введение

После распада СССР каждая из его бывших республик стала проводить самостоятельную национальную политику. Чаще всего это выражалось в курсе на «этнократию» (усиление позиций «титულных» наций). Таджикистан в данном случае был трагическим исключением, поскольку разногласия местных элит по большинству социально-экономических вопросов имели фатальный характер, что привело к кровопролитной гражданской войне. Данное исследование посвящено истории формирования руководством Таджикистана официальной политики в сфере национальной идентичности.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы, собранные в ходе архивной экспедиции сотрудников СПбГУ в Центральный государственный архив Республики Таджикистан и Национальную библиотеку Республики Таджикистан (г. Душанбе) в июле 2014 года. Первичная информация о данных событиях собиралась также в открытых ресурсах, на научных сайтах, в журнальных публикациях. Коллектив авторов пользовался свободным доступом к научной периодике баз данных Web of Science, Scopus, РИНЦ. В работе был использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Историко-антропологический

метод позволил провести анализ «конструкций» выстраиваемых различными социальными группами, относящихся и относившихся к политической элите, изучаемого региона. Историко-типологический метод позволил классифицировать различные объекты исследования в контексте их исторического развития: социальные практики, политические дискуссии, историографические споры и пр. Значительную помощь оказал использованный авторами классический метод полевого исследования, используемый в этнологии, основанный на достаточно длительном пребывании исследователя в изучаемой этнической среде.

Обсуждение

Различные аспекты данной проблемы неоднократно становились объектом исследования. Однако в большинстве случаев акцент смещался в сторону «возрождения» религиозной идентичности таджикского общества, роли в этом процессе государственной власти, внутренних и внешних политических игроков [1-4]. Значительное внимание исследователей также привлекали некоторые измерения культурной (прежде всего, образовательной и языковой) политики республиканских и местных властей и формы ее реализации в сложных географических, социальных и экономических условиях [5-11]. Рассмотрение обозначенной в заглавии темы представляется актуальным в свете ее недостаточной изученности.

В Таджикистане, как и в большинстве постсоветских стран, основные контуры будущей национальной политики были определены еще в советский период. При этом было бы ошибкой утверждать, что современная официальная точка зрения на происхождение таджикской государственности изобретена республиканской номенклатурой в период перестройки, когда в рамках языковой реформы и программы по «десоветизации» топонимики в обществе активно обсуждалась тема таджикской идентичности и ее критериев. Дискуссия уходит корнями в период национально-территориального размежевания в советской Средней Азии. Тогда она шла параллельно в рамках новообразованных комитетов и комиссий Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ВКПб) и в научной востоковедческой среде. Одним из самых обсуждаемых вопросов была тема многовекового тюрко-иранского этнокультурного взаимодействия и роль тюркских племен в этногенезе таджиков. Ярким примером этого взаимодействия, по мнению ряда ученых, является происхождение этнонима «таджик».

Согласно одной из самых распространенных версий, название персоязычных земледельцев имеет тюркское происхождение. Его исходный вариант, в свою очередь, возник как версия экзоэтнонима бедуинского племени, находившегося на одной из южных границ Сасанидской Персии – «тай» [12]. Данная точка зрения достаточно популярна и среди зарубежных исследователей [13-14].

Ранее в отечественной дореволюционной историографии бытовало мнение об иранском происхождении этнонима от слова «тадж» (تاج) (корона). В подтверждение приводились китайские источники, датированные более ранним периодом [15].

По «классической» (бедуинской) версии именем «тазик» или «теджик» тюрки стали в эпоху мусульманских завоеваний обозначать представителей ираноязычных общностей, принявших ислам. Следует отметить, что великий востоковед В.В. Бартольд, придерживавшийся вышеописанной теории, не подразумевал под термином «таджик» некой нации. Об этом свидетельствует его известное замечание, имеющее особую значимость для нашей работы и опубликованное только после распада СССР. Оценивая политику национально-территориального размежевания, проводимой советским руководством, В.В. Бартольд констатировал, что «национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г., был выработан западноевропейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям» [16].

Тем не менее, советской властью было принято решение о создании таджикской автономии в рамках Узбекской ССР. Одной из причин ее создания была угроза утверждения «пантюркизма» [17] в регионе. В зарубежной историографии бытует мнение, что «таджикский проект» был необходим для дальнейшего экспорта революции в ираноязычные государства региона и создания «Большой Центральной Азии» [18]. По мнению С.Н. Абашина, союзная республика Таджикистан – это «Малый Таджикистан» (т.е. незавершенный проект «Большого Таджикистана») и именно в его рамках формировался таджикский национализм [19].

В 1930-е гг. большинство членов руководства союзной республики Таджикистан, стоявших у истоков национальной политики, были репрессированы. В основном дела заводили по сфабрикованным обвинениям в участии в «националистических организациях». Репрессиям подверглись Шириншо Шотемор, Нусратулло Махсум, Чинор Имомов и другие.

В послевоенное время в Таджикистане проходили те же социальные процессы, что и в остальных республиках. С 1946 по 1956 гг. руководство республикой осуществлял Б.Г. Гафуров. Это был редкий случай, когда первый секретарь союзной республики уделял значительную часть времени исторической науке. В 1949 г. он опубликовал монографию «История таджикского народа. В кратком изложении» [20]. Продолжая изучение истории таджиков, он определил период правления в Центральной Азии династии Саманидов как эпоху завершения складывания таджикского народа [21]. Впоследствии эта теория окажет серьезное влияние на политику

«нацстроительства» (national state building) таджикского руководства в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

В послевоенное время, помимо исследования и «оценки» различных аспектов таджикской истории, руководство Таджикской ССР проводило преобразования в топонимике страны. На волне десталинизации было возвращено прежнее имя столице республики – Душанбе. В 1978 г. родной поселок Б.Г. Гафурова был переименован в Гафуров, а город Регар стал Турсонзаде (в память о современном таджикском поэте).

Накануне распада СССР, в условиях «гласности» и роста национального самосознания, обозначились серьезные расхождения среди набиравших популярность общественно-политических движений по проблеме «возрождения» национальной идентичности. Представители правящей номенклатуры, про-правительственной и оппозиционной интеллигенции, сторонники исламского пути развития и продвижения интересов Горно-Бадахшанской Автономной области имели различные взгляды на будущее Таджикистана и, как показали будущие события, не стремились к компромиссу. Пожалуй, главным было отсутствие общего представления об «идентичности», прежде всего, в ее этническом измерении, в условиях свойственного Таджикистану «субэтнического» регионального деления.

Официальное руководство республики в лице К.М. Махкамова в период «перестройки» следовало в русле общесоюзной политики. В 1988–1989 гг. в Таджикистане «горячо» обсуждался вопрос о придании таджикскому языку статуса государственного. Изученные авторами работы материалы Центрального государственного архива республики Таджикистан и периодика того времени позволяют выявить степень актуальности вопроса в то время, позиции различных сторон и их аргументацию.

Точка зрения о необходимости закрепления одного государственного языка была преобладающей среди представителей таджикской номенклатуры. В официальной прессе того времени публиковали письма, в том числе, и не от «этнических» таджиков, с одобрением языковой реформы [22]. В проекте закона, который был передан участникам действовавшей при Верховном Совете «Комиссии по подготовке предложений о статусе государственного языка Таджикской ССР» [23], видны «следы» активного обсуждения статусов ягнобского и памирских языков [24]. Более того, были опубликованы радикальные проекты «возрождения» в Таджикистане письменности на основе арабской графики и планы ее внедрения в высших учебных заведениях республики [25].

Проект «Закона ТССР о языке» был одобрен и принят в 1989 г. в достаточно компромиссной форме. В частности, предусматривался особый статус русского в качестве языка «межнационального общения народов СССР» (ст. 2), на который, в частности, должно были переводиться все официальные документы (Глава III).

По всей видимости, К.М. Махкамов в условиях центробежных процессов в Советском Союзе стремился форсировать процессы «нацстроительства». В 1990 г. он сделал заявление о том, что «народ стал терять свою культуру» и что «многое необходимо поправить» [26]. В этом с коммунистическим лидером были солидарны представители демократической оппозиции. Дискутировались только методы, скорость и право на реализацию национальной политики в новых условиях.

Получившее первоначально широкую поддержку среди таджикского населения республики демократическое движение «Растохез», выступало за возрождение «персидской культурной традиции» в Таджикистане [27]. Программа «Растохеза» была сфокусирована на национально-освободительную борьбу и возрождение культурных традиций таджикского народа [28]. При этом попытки реализовать программные установки на практике оказались неудачными. Сказались межрегиональные, межконфессиональные и межклановые противоречия, обозначившиеся после снижения влияния Центра на союзную республику. Среди участников «Растохез» большинство составляли представители городского населения севера страны, преимущественно с высшим образованием. У жителей других районов они ассоциировались с так называемым «ленинабадским» кланом, широко представленным в местной партийной номенклатуре.

Представители «Партии исламского возрождения Таджикистана» пытались сгладить межрегиональные разногласия путем объединения таджикского общества на основе ислама. При этом движение активно сотрудничало с остальными оппозиционными организациями и группами.

Движение «Лали Бадахшон», как гласил устав организации, выражало интересы населения Горно-Бадахшанской автономной области. Примеру памирцев последовали и другие области бывшей Таджикской ССР. Появились такие региональные политические группы как «Хамдилон», «Мехри Хатлон», «Хисори Шодмон», «Истаравшан» и «Зарафшон».

Одним из способов противодействия официальных властных структур оппозиционным движениям в условиях политики гласности и демократических преобразований стала их критика в средствах массовой информации. В частности, руководитель городского отдела Комитета Государственной Безопасности (КГБ) республики М. Чакканов, обвиняя оппозиционные силы в росте националистических настроений и контактах с прибалтийскими националистическими организациями, призывал «дать отпор» провокациям на этно-конфессиональной почве [29].

После прихода к власти в Таджикистане Э.Ш. Рахмонова (конец 1992 г.) официальное руководство стало придерживаться в политике национального строительства направления, заданного первыми секретарями республики послевоенного времени. Фактически было провозглашено восстановление таджикской государственности, «утраченной» со времени упадка державы Саманидов. Небезосновательный тезис о «древнейшем народе Средней Азии» неизменно присутствовал в научных и популярных изданиях, выходявших в постсоветском Таджикистане [30-32].

Параллельно, в ходе реализации данного курса был принят ряд мер, направленных на восстановление историко-культурных традиций, прежде всего, в сфере топонимии. Так, инициированная демократической общественностью кампания по возвращению городу Ленинабаду его исторического названия завершилась в феврале 1991 г. переименованием населенного пункта в Худжанд.

В 1991 г. Президиум Верховного совета республики постановил провести конкурс на лучшие текст и музыку для государственного гимна, лучший эскиз государственного флага и государственного герба [33].

Победителям предусматривались премии в размерах: 50 000 рублей за первое место, 30 000 рублей за второе и 15 000 рублей за третье [34], - суммы весьма солидные по тем временам.

В 1992 г. был проведен международный форум таджиков, опубликован сборник «Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации», а два года спустя было отпраздновано тысячелетие «Шахнаме» [35]. Навруз был объявлен государственным праздником и стал широко отмечаться на государственном уровне.

Заключение

В условиях острого политического кризиса, накануне гражданской войны, правительство республики уделяло серьезное внимание проблемам нацстроительства, разрабатывая базовые стандарты для конструирования национальной идентичности таджиков. В значительной степени реализовывались «наработки» послевоенного руководства республики. Ярким свидетельством этому является определение державы Саманидов как самостоятельного таджикского государства и исторического ориентира. 26 октября 2000 г. в честь Исмаила Сомони была названа национальная валюта Таджикистана [36].

В последние годы у политической элиты наблюдается усиление интереса к доисламскому прошлому республики. В частности, это выражается в обращении к образу Спитамена, легендарного согдийского аристократа, бросившего вызов Александру Македонскому. В его честь в 2003 г. был переименован город Нау, а целый район Согдийской области стал носить название Спитаменский. С 2001 г. одной из государственных наград республики является орден Спитамена (двух степеней) [37]. Вторым значимым национальным героем доисламского периода стал согдийский аристократ Деваштич, долгое время оказывавший серьезное сопротивление арабским завоевателям.

Обращение к «выдающимся личностям прошлого» демонстрирует возрастание «практического» интереса к доисламской истории Таджикистана с целью дальнейшего конструирования модели государственно-национального строительства. Однако на данный момент историческим ориентиром для официальной элиты в значительной степени остается неплохо известная по письменным и археологическим данным эпоха Саманидов. Тем не менее, попытки «размыть» границу между исламским и доисламским прошлым, тем самым выдвинув на первый план этно-языковую составляющую таджикской идентичности, отразились в официальной «Истории таджикского народа». Второй том издания «охватывает важнейший период (VI–X вв. до н. э.) – период этнического формирования самого таджикского народа, его современного языка, собственной государственности и этнической территории – Исторического Таджикистана» [38].

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014.

Примечания:

1. *Collins K.* Ideas, networks, and islamist movements - Evidence from central Asia and the Caucasus // October 2007. Volume: 60. Issue: 1. P. 64-96.
2. *Акилова М.М.* Религия как часть культуры и ее роль в общественной жизни Таджикистана // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Худжанд, 2013. № 4(37). С. 261-269.
3. *Thibault H.* The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces // Studies in Religion – Sciences Religieuses. June 2013. Volume: 42. Issue: 2. P. 173-189.
4. *Олкотт М. Б.* Таджикистан: Трудный путь развития. М.: Время, 2014. С. 47-61.
5. *Алиев С.Н., Гусейнова Т.В.* Социально-правовой контекст обучения русскому и английскому языкам в системе образования Таджикистана // Вопросы филологии. М., 2007. № 3. С. 75–80.

6. *Семенова Е.В.* Языковая политика в современном Таджикистане (по материалам центральной Таджикской прессы) // Восток. Афро-азиатские общества: История и Современность. М., 2007. № 5. С. 143–146.
7. *Нозимов А.А.* Языковая ситуация в Таджикистане: оценка эффективности языкового планирования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2009. № 3. С. 250–252.
8. *Нозимов А.А.* Языки диаспор и иммигрантские языки Таджикистана: к характеристике полисубъективности языковой политики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2009. № 4. С. 240–243.
9. *Нозимов А.А.* Политика «языкового ренессанса» в Таджикистане // Россия и Мусульманский мир. М., 2010. № 9. С. 79–84.
10. *Салимов Р.Д.* Проблемы языковой политики и развития языков в многоязычном Таджикистане // Слово. РУ: Балтийский акцент. Калининград. 2012. № 2. С. 56–60.
11. *Хабибова Н.Ш.* Толерантная культура на образовательном пространстве в республике Таджикистан // Вестник института языков. Душанбе, 2012. Т. 1. № 5-1. С. 69-72.
12. *Бартольд В.В.* Таджики. Исторический очерк. Собрание сочинений. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 455-456.
13. *Wood J., Yule H.* A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872. P. 193.
14. *Soucek S.* A history of inner Asia. Cambridge University press. 2000. P. 32.
15. *Ханьков Н.В.* Записки по этнографии Персии. М. Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 85.
16. *Бартольд В.В.* О национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. С. 165.
17. *Масов Р.М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991. С. 35.
18. *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadjhikistan. Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970. P. 72–74.
19. *Абашии С.Н.* Национализмы в Средней Азии: В поисках идентичности. СПб., 2007. С. 195.
20. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. М., 1949.
21. *Гафуров Б.Г.* Таджики древнейшая, древняя и средневековая история. Второе издание. Душанбе, 1989. С. 86.
22. По принципам взаимоуважения // Вечерний Душанбе. № 128 (5268). 1989. 5 июля.
23. Создана в январе 1989 г. В состав комиссии вошли представители власти во главе с председателем Президиума ВС ТССР Г. П. Паллаевым и деятели науки, культуры и искусства (Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297. Оп. 41. Д. 333. Л. 1-3).
24. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297 Оп. 41. Д. 355 Л. 154.
25. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297 Оп. 41. Д. 356. Л. 25.
26. Известия ЦК КПСС. 1990 № 8. С. 26.
27. *Шозимов П.Д.* Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе, 2003.
28. *Низзов Д.* Из истории развития демократического движения в Таджикистане. URL: http://www.ca-c.org/journal/09-1997/st_16_niezov.shtml (дата обращения: 29.08.14).
29. *Чакканов М.* Не допустить экстремизма на национальной почве // Вечерний Душанбе. 9 октября 1989 г.
30. *Масов Р.М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991.
31. *Негматов Н.Н.* Таджикский феномен: теория и история. Душанбе, 1997.
32. *Рахмон Э.* Таджики в зеркале истории. Кн. 1. От арийцев до Саманидов. Лондон, 1999.
33. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297. Оп. 40. Д. 1538. Л. 241.
34. Там же.
35. *Гусейнова И.* От форума таджиков до тысячелетия Шахнаме // Вечерний Душанбе. 15 февраля 1993 г.
36. *Солиев Х.Х.* Республика Таджикистан – 15 лет независимого экономического развития. Душанбе, 2007. С. 21.
37. *Рахмонов Э., Фаттоев С.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 5 томах. Т. 5. Душанбе, 2006. С. 73.
38. История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. Душанбе, 1999. С. 3.

References:

1. Collins K. Ideas, networks, and islamist movements - Evidence from central Asia and the Caucasus // October 2007. Volume: 60. Issue: 1. P. 64-96.

2. *Akilova M.M.* Religion as a part of the culture and its role in the social life of Tajikistan // Scientific notes of Khujand State University by the name of Academician B. Gafurov. Khujand, 2013. № 4 (37). P. 261-269.
3. *Thibault H.* The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces // Studies in Religion - Sciences Religieuses. June 2013. Volume: 42. Issue: 2. P. 173-189.
4. *Olcott M.B.* Tajikistan: Difficult path of development. M.: Time, 2014. P. 47-61.
5. *Aliyev S.N., Huseynov T.V.* Social and legal contexts of learning Russian and English languages in the education system in Tajikistan // Philology. M., 2007. № 3. P. 75-80.
6. *Semenova E.V.* Language policy in modern Tajikistan (based on the central Tajik press) // East. Afro-Asian Society: Past and Present. M., 2007. № 5. P. 143-146.
7. *Nozimov A.A.* The language situation in Tajikistan: evaluation of the effectiveness of language planning // Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University. Pyatigorsk. 2009. № 3. P. 250-252.
8. *Nozimov A.A.* Languages diasporas and immigrant languages in Tajikistan: the characterization of multi subjections of language policy // Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University. Pyatigorsk. 2009. № 4. P. 240-243.
9. *Nozimov A.A.* The policy of "linguistic renaissance" in Tajikistan // Russia and the Muslim world. M., 2010. № 9. P. 79-84.
10. *Salimov R.D.* Problems of language policy and language development in multilingual Tajikistan // Word. RW: The Baltic accent. Kaliningrad. 2012. № 2. S. 56-60.
11. *Habibova N.S.* Tolerant culture on the educational environment in the Republic of Tajikistan // Vestnik of Institute of Languages. Dushanbe, 2012. Vol. 1. № 5-1. P. 69-72.
12. *Bartold V.V.* Tajiks. Historical Sketch. Works. Vol. II. Part I. M., 1963. P. 455-456.
13. *Wood J., Yule H.* A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872. P. 193.
14. *Soucek S.* A history of inner Asia. Cambridge University press. 2000. P. 32.
15. *Khanykov N.V.* Notes on the ethnography of Persia. M.: Oriental Literature, 1977. P. 85.
16. *Bartold V.V.* On the national delimitation in Central Asia // East. 1991. № 5. P. 165.
17. *Masov R.M.* History clumsy separation. Dushanbe, 1991. P. 35.
18. *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadzhikistan. Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970. P. 72-74.
19. *Abashin S.N.* Nationalism in Central Asia: In Search of Identity. St. Petersburg, 2007. P. 195.
20. *Gafurov B.G.* The history of the Tajik people in summary. M. 1949.
21. *Gafurov B.G.* Tajiks ancient, ancient and medieval history. Second edition. Dushanbe, 1989. P. 86.
22. According to the principles of mutual respect // Evening Dushanbe. Number 128 (5268). 1989. July 5.
23. Established in January 1989. The commission includes representatives of government, headed by the chairman of the Presidium of the Supreme TSSR G.P. Pallaev and persons of science, culture and art. (Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Op. 41. D. 333. L. 1-3).
24. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. 41. D. 355. L. 154.
25. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. 41. D. 356. L. 25.
26. Proceedings of the CPSU Central Committee. 1990. № 8. P. 26.
27. *Shozimov P.D.* Tajik identity and nation-building in Tajikistan. Dushanbe, 2003.
28. *Niazi D.* From the history of the democratic movement in Tajikistan. URL: http://www.ca-c.org/journal/09-1997/st_16_niezov.shtml (date accessed: 29/08/14).
29. *Chakkanov M.* Not allow extremism on a national basis // Evening Dushanbe. October 9, 1989.
30. *Masov R.M.* History clumsy separation. Dushanbe, 1991.
31. *Negmatov N.N.* Tajik phenomenon: Theory and History. Dushanbe, 1997.
32. *Rahmon E.* Tajiks in the Mirror of History. Book 1. From the Aryans to the Samanids. London, 1999.
33. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. № 40. D. 1538. L. 241.
34. Ibid.
35. *Huseynov I.* From offline Tajiks to Shahnameh Millennium // Evening Dushanbe. February 15, 1993.
36. *Soliyev H.H.* Tajikistan - 15 years of independent economic development. Dushanbe, 2007. P. 21.
37. *Rahmon E., Fattoev C.* Independence of Tajikistan and the rebirth of the nation. In 5 volumes. Vol. 5. Dushanbe, 2006. P. 73.
38. The history of the Tajik people. Vol. II: The Age of the formation of the Tajik people. Dushanbe, 1999. P. 3.

**Национальное строительство в Таджикистане в 1988–2000-е гг.
Поиск «основы конструкта»**

¹ Абдулла Хамидович Даудов

² Артем Алексеевич Андреев

³ Владимир Андреевич Шорохов

⁴ Денис Геннадьевич Янченко

¹⁻⁴ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

¹ Доктор исторических наук, профессор, директор Института истории

E-mail: grimdek@yandex.ru

² Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: gal7gas@yandex.ru

³ Ассистент

E-mail: helveticw@bk.ru

⁴ Кандидат исторических наук, старший преподаватель

E-mail: deni_g_yanch@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам национально-государственного строительства Таджикистана, в частности проблеме поиска «конструкта» национальной идентичности. Взгляды на национальную идентичность в республике претерпели ряд изменений в течение XX века. В значительной степени это коснулось моделей «прошлого» для государственно-национального строительства настоящего. В практическом отношении это выразилось в повышении интереса современной политической элиты к доисламскому прошлому региона как началу политической истории при сохранении основной «модели – конструкта» таджикской государственности, датируемой периодом правления Саманидов.

Ключевые слова: Таджикистан; национальное строительство; историко-культурные традиции; идентичность; ираноязычная общность; территориальное размежевание в советской Средней Азии; политические партии Таджикистана.